

13 НОЯ. 43

РУССКИЙ ГЕНИЙ

К 50-летию со дня смерти П. И. Чайковского

Есть художники, одно имя которых вызывает в воображении целый мир поэтических образов, давно любимых, но никогда не утрачивающих обаяния красоты и силы. Это — художники, чье искусство является незримым, постоянным и верным спутником нашего бытия — в дни радости и в дни тревог, в часы напряженной деятельности и в часы досуга. Это — художники, чье искусство неотъемлемо от духовной жизни всего народа.

Таков именно Чайковский, гениальный русский композитор, автор «Евгения Онегина», «Пиковой дамы», Патетической симфонии.

Пятьдесят лет тому назад оборвалась жизнь этого замечательного музыканта. Но популярность и слава его в широчайших массах не только не померкли, но растут и крепнут с каждым годом. И, пожалуй, никогда ещё творчество Чайковского не было так близко и дорого народу, как ныне.

Чайковский завоевал горячую любовь и всенародное признание упорным, целеустремлённым творческим трудом, раскрывшим всеобъемлющую силу и глубину его художественного дарования. В этом отношении вся жизнь Чайковского, исполненная высоких помыслов и благородных стремлений, являет собою пример истинного служения народу.

Когда Игорь Грабарь, в то время молодой художник, высказал в беседе с Чайковским мнение, что «гении творят только по вдохновению», великий композитор возразил ему: «Ах, юноша, не говорите пошлостей... Вдохновения нельзя выжидать, да и одного его недостаточно, нужен прежде всего труд, труд и труд. Помните, что даже человек, одаренный печатью гения, ничего не даст не только великого, но и среднего, если не будет алски трудиться. И чем больше человеку дано, тем больше он должен трудиться...»

В этих словах выражен руководящий принцип многосторонней деятельности Чайковского.

Он выступил на поприще русской музыкальной культуры в 60-х годах прошлого столетия как композитор, педагог, публицист и критик. Это было трудное время в жизни молодого, ещё никому неизвестного музыканта, обуреваемого возвышенными идеями и стеснённого суровой нуждой. Но, несмотря на лишения, он работал с энтузиазмом, со всем пылом молодого художника, влюбленного в искусство. Творческий труд стал его жизненным подвигом. Преодолевая холодную враждебность равнодушных чиновников от искусства, горечь непонимания окружавшей его среды, тяжёлые неудачи личной неустроенной жизни, Чайковский испытал «мильон терзаний». Но он любил жизнь, твердо верил в необходимость своего творческого служения народу, родине. И в напряженной жизненной борьбе он говорил: «...моя вера в справедливый суд Будущего непоколебима». Всенародное признание творческого гения Чайковского подтвердило истину этих пророческих слов.

Верный заветам великого Глинки, Чайковский выступил как убежденный национальный композитор. Он всегда искренно преклонялся перед величием русского народного искусства, в котором видел неиссякаемый источник подлинного вдохновения и красоты. Он был гуманист и патриот в самом глубоком значении этих слов. Поистине восторженной и чистой была его любовь к родине, к родной природе, к родной русской песне, одухотворившей все его лучшие творенья.

«...Я с детства, с самого раннего, — писал Чайковский, — проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки; ...я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях; ...я — русский в полном смысле этого слова».

Принцип народности был неотделим для Чайковского от принципа реализма. Он искал правды выражения больших страстей

и больших идей. Он неустанно стремился к «поэтичности, человечности и простоте» искусства. Его музыкальная речь, проникнутая задушевной теплотой русской песенности, захватывает и покораивает слушателя своей взволнованностью, искренностью и непосредственностью.

Чайковский обладал редким даром: возвышать самые простые задушевные мелодии до больших философских обобщений драматически напряжённого симфонического развития — и в операх, и в инструментальных композициях, и в широкозвучной вокальной лирике. А это беспримерное мастерство, это умение правдиво и просто раскрыть богатый и сложный душевный мир человека определило огромную силу эмоционального воздействия музыки Чайковского.

Когда Лев Толстой услышал в концерте знаменитое «Анданте» из первого струнного квартета Чайковского, он под наплывом чувств разрыдался. Это было одно из первых признаний могучего дара музыки Чайковского. Впоследствии другой великий русский писатель — Антон Чехов, посвящая Чайковскому свою книгу рассказов («Хмурые люди»), писал брату композитора: «Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич, — до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого...».

***

Творческий дар Чайковского был всеобъемлющим. Он раскрылся с удивительной полнотой буквально во всех жанрах музыкального искусства. За тридцать лет энергичной и плодотворной деятельности Чайковский создал десять опер, три балета, семь симфоний (включая «Манфред»), шесть крупных программно-симфонических произведений, сюиты, концерты, увертюры, кантаты, камерные ансамбли, свыше ста романсов, множество разнохарактерных инструментальных пьес. Круг тем, волновавших творческое воображение композитора, был очень широк и разнообразен. Поэтические образы и характеры Пушкина и Байрона, Гоголя и Шекспира, Гофмана и Данте вновь ожили в музыке Чайковского, в его операх, балетах, симфонических фантазиях.

Глубоко знаменательным и исключительно плодотворным было обращение Чайковского к поэзии горячо любимого им Пушкина. Три оперы Чайковского на пушкинские сюжеты — «Евгений Онегин», «Мазепа» и «Пиковая дама», так же как и близкие этим операм последние три симфонии Чайковского (особенно шестая — «Патетическая», кото-

рую так любил Ленин), принадлежат бесспорно к числу величайших шедевров мировой музыкальной классики.

Здесь сказался могучий талант Чайковского-драматурга, Чайковского-симфониста. С потрясающей силой реалистической выразительности раскрыл он в этих произведениях суровую правду жизненной борьбы человека, воодушевлённого благородными идеалами возвышенного и прекрасного. В этом, в сущности, и состояла философско-поэтическая идея, гениально воплощённая в значительнейших музыкально-драматических произведениях Чайковского. Все они наполнены живым песенным лиризмом, так хорошо оттеняющим характеристики героев и драматическое развитие сюжета. Все они обращены к народу, в котором композитор черпал и жизненную мудрость, и силу творческого вдохновения. «Опера, — писал он, — имеет то преимущество, что даёт возможность говорить музыкальным языком масс». Живая связь с широкой массой слушателей, с народом была насущной потребностью Чайковского. Он выразил это в известных словах: «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих её, находящихся в ней утешение и подпор».

Со всей страстью художника-патриота Чайковский верил в прекрасное будущее талантливое русского народа. И силою своего творческого гения он обессмертил величавые образы народа в ярко-праздничных финалах Второй и Четвертой симфоний, в исторической кантате «Москва», в торжественной увертюре «1812 год», в великолепных жанровых сценах своих опер («Евгений Онегин», «Черевички» и др.). Вдохновенные страницы музыки Чайковского посвящены картинам русской природы, печальная и строгая красота которой так волновала ум и сердце композитора.

Путь Чайковского был труден, ибо высокие идеалы правды и красоты, питавшие его творчество, находились в остром противоречии с современной ему жизненной действительностью. Мучительное ощущение этого разрыва между чаемым и реальным, между миром поэтической мечты и тягостной действительностью было источником глубоких страданий художника. И это нашло своё выражение в трагических мотивах его музыки. Но он не искал спокойного примирения. Повествуя правду жизни, он эвал к борьбе, он непоколебимо верил, что в борьбе будет завоевано счастье человека. Прекрасную мечту об этом счастье он воплотил в музыке, написанной кровью сердца.

Этим велик Чайковский.

Георгий ХУБОВ.